

УДК 325.454

DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636

EDN EZRSHR

Анализ нарративных моделей в этнополитике многонационального государства

Бектурганова Б.К.

Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, 720000, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44
b.k.bekturganova@krsu.kg

Аннотация. Важность этнополитики как основы стратегической независимости всё отчетливее осознаётся мировыми лидерами. Однако на сегодняшний день государственные идеологии ещё не достигли уровня, когда информационные потоки учитывают интересы различных этнических и социальных групп. В научной литературе недостаточно изучено, как медианарративы воздействуют на модель этнополитики в многонациональных государствах. Цель исследования – выявление способов презентации этнической культуры во внешнем пространстве для трансляции государственной идеологии. Проведен анализ нарративов, циркулирующих в медиасреде в целях мобилизации общества. В результате исследования в качестве основных нарративных аспектов выделены исторические события, которые транслируются в современное медиапространство и влияют на систему ценностей, идеологию, воспитание и межэтническую коммуникацию. Определен концепт влияния информации на этническую среду, её социализацию и мобилизацию, отношение к власти, а также на степень доверия к источникам информации.

Ключевые слова: этнополитика, нарратив, государственная идеология, мифотворчество, семантический анализ

Для цитирования: Бектурганова Б.К. 2025. Анализ нарративных моделей в этнополитике многонационального государства. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 44(4): 625–636. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636 EDN: EZRSHR

Analysis of Narrative Models in the Ethnopolitics of a Multinational State

Bachtygul K. Bekturganova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
44 Kievskaya St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic
b.k.bekturganova@krsu.kg

Abstract. The importance of ethnopolitics as a foundation of strategic independence is becoming increasingly evident to global leaders. However, contemporary state ideologies have not yet reached the level at which information flows fully reflect the interests of various ethnic and social groups. The academic literature lacks sufficient research on how media narratives influence the model of ethnopolitics in multiethnic states. The aim of this study is to analyze narratives circulating in the media environment for the purpose of social mobilization and to identify ways in which ethnic culture is represented in the public sphere as a tool for conveying state ideology. The study reveals key narrative elements, particularly historical events that are transmitted into the contemporary media space and shape value systems, ideology, education, and interethnic communication. The concept of the influence of information on the ethnic environment, its socialization and mobilization, attitudes toward the state, and levels of trust in information

sources is also outlined. The study concludes that the current state of ethnopolitics does not fully meet contemporary geopolitical and domestic challenges, largely due to the lack of a research base for assessing the impact of specific narratives on different segments of society.

Keywords: ethnopolitics, narrative, state ideology, myth-making, semantic analysis

For citation: Bekturganova B.K. 2025. Analysis of Narrative Models in the Ethnopolitics of a Multinational State. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 625–636 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-4-625-636 EDN: EZRSR

Введение

Исследование нарративов как в политике в целом, так и в этнополитике в частности неразрывно связано с отношением народа к собственному прошлому. История – это не просто совокупность фактов, но и результат их интерпретации, то есть этот концепт находится в прямой зависимости от осознания событий прошлого в современности. Понятие истории диалектично: формируя настоящее, политическая практика опирается не только на материальные свидетельства исторических процессов, но и на различные повествования, мемуары, фольклор, коллективную память. Эти источники перерабатываются в нарративные конструкции, которые служат связывающим звеном между прошлым и настоящим, формируя символические и ценностные границы идентичности. «История – ...фактор идентичности, и смена исторического подхода связана со сменой идентичности» [Лехциер, 2013, с. 6]. Субъективно смена подходов к интерпретации прошлого может вызывать недовольство, поскольку «при анализе процесса институционализации политики памяти, наряду с усилением роли государства, которое выражается в появлении большого числа тесно связанных с властью НПО, резком сокращении возможностей негосударственного финансирования и т.д., нельзя упускать из вида и определенные ограничения, с которыми сталкиваются власти в своем стремлении установить контроль над этой сферой» [Миллер, 2019, с. 93]. Именно этот подход зачастую используется современными политиками для выработки идеологических программ.

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к исследованию нарративов как инструментов формирования политической идентичности, мобилизации и легитимации власти в медиапространстве. Концепт нарратива приобретает особую актуальность в условиях цифровизации, где медиа становятся не просто каналами передачи информации, но и полноценными производителями смыслов, участвующими в конструировании этничности, гражданственности и национальной идеи.

Исследование межкультурных цифровых нарративов в современном медиаполе представлено, в частности, в работах В.Г. Соломеиной, которая рассматривает их в контексте процессов глобализации и деглобализации, а также политико-идеологических трансформаций последних лет. Она подчеркивает, что медианарративы служат механизмами как интеграции, так и сегрегации, конструируя символические границы между «своими» и «чужими» и апеллируя к исторической памяти и культурной идентичности [Соломеина, 2023]. В отечественной и зарубежной медиалингвистике нарратив анализируется как семиотическая структура, интегрирующая вербальные, визуальные и аудиальные элементы. Это особенно отчетливо проявляется в мультимедийной журналистике, где форма и содержание медиатекста формируют целостную нарративную стратегию. Мультимедийный нарратив в цифровой журналистике представляет собой поликодовое повествование, в котором текст, визуальные и аудиовизуальные элементы взаимодействуют для конструирования сюжета, усиления достоверности и эмоционального вовлечения аудитории [Качанов, 2020]. Методологически анализ нарративов опирается на теории этничности, в первую очередь на примордиализм и инструментализм. В рамках примордиалистской парадигмы этничность рассматривается

как данность, укоренённая в культуре, языке и происхождении, тогда как инструментализм подчеркивает политическую и социальную конструируемость этнической принадлежности. Эти подходы позволяют по-разному интерпретировать функции нарративов в этнополитике: либо как репрезентацию «естественных» границ, либо как результат борьбы за ресурсы и символическое господство [Шайкемелов, 2022].

Актуализация нарративного анализа в международной политике связана с понятием стратегических нарративов, которые трактуются как целенаправленные повествовательные конструкции, формирующие интерпретационные рамки для внешней и внутренней аудитории. Такие нарративы используются государствами и другими политическими акторами для легитимации своих позиций, формирования союзов и делегитимации оппонентов. Как отмечается в исследованиях М. Мискиммона и Б. Розелла, стратегические нарративы становятся инструментами «мягкой силы», встраиваясь в официальную риторику, образовательные программы и медиадискурс [Roselle et al., 2020; Miskimmon et al., 2013].

Несмотря на активное развитие нарративного подхода в политологии и медиалингвистике, существует значительный пробел в его применении к постсоветским и в частности центральноазиатским контекстам. Практически отсутствуют исследования, посвященные нарративам этнополитики в странах Центральной Азии в условиях постимперской трансформации и медиатизации. В этом отношении Кыргызстан представляет собой уникальный пример, где национальная идентичность, этнополитическая мобилизация и медиадискурс формируют сложную взаимосвязь, отражающую как постколониальные, так и внутренние социальные конфликты. Образы «Манаса», риторика «золотого века» и попытки переопределения исторической памяти через государственные и медиапроекты требуют особого внимания с точки зрения нарративного анализа.

Таким образом, данное исследование заполняет значимую лакуну в научной литературе, предлагая анализ нарративов в контексте политической коммуникации, этнической идентичности и медиарепрезентации в современном Кыргызстане.

Цель настоящего исследования – выявить механизмы формирования, трансформации и применения этнополитических нарративов как инструмента государственной идеологии в Кыргызской Республике, этносоциальной мобилизации и политической легитимации в условиях постсоветской трансформации и геополитических вызовов.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступают нарративные модели, включающие идеологические концепты, используемые в этнополитическом дискурсе Кыргызской Республики с момента обретения независимости до начала 2000-х гг.

В работе применён комплекс методов, соответствующих междисциплинарному подходу к изучению идеологических процессов. Нарративный анализ позволяет раскрыть внутреннюю структуру нарративов, выявить их функции в политическом дискурсе и проследить динамику их трансформации. Семиотический метод используется для анализа знаковых элементов нарратива, понимания механизмов их интерпретации и передачи смыслов между субъектами политической коммуникации. Морфологический анализ на основе подхода В.Я. Проппа позволяет определить наличие бинарных оппозиций и архетипических структур, характерных для этнополитических мифов, что особенно важно для выявления эмоциональных и поведенческих паттернов в обществе.

Также применялся контент-анализ политических речей, официальных заявлений, программных документов и средств массовой информации, направленный на изучение способов трансляции нарративов через государственные и общественные каналы.

Сравнительное осмысление исторических нарративов обеспечивается за счёт использования историко-компаративного метода, позволяющего установить

преимущество и изменения идеологических мотивов в различных политических контекстах. И, наконец, в рамках эмпирического анализа используется метод кейс-стади, фокусирующийся на Кыргызской Республике как на примере государства, находящегося в ситуации институциональной и идентичностной трансформации, где особую роль в процессе управления играют этнополитические нарративы, особенно в условиях полиэтничности и постсоветского наследия.

Теоретико-методологические подходы к изучению нарратива в этнополитике

Изучение взаимодействия нарративов и государственной идеологии основывается на использовании набора основных идеологических концептов, семантического и морфологического анализа нарративов в этнополитике. Наш научный интерес сосредоточен на изучении взаимодействия идеологических концептов Кыргызстана в современном геополитическом пространстве.

С середины XX века во всём мире наблюдается поступательный рост национально-освободительных движений – от борьбы против колониальной зависимости до противостояния неолиберальной рыночной глобализации. Это естественным образом приводит к усилению национального самосознания, являющегося, с одной стороны, презентационной формой национальной группы: будучи «маркером идентификации "свой – чужой", идеология определяет не только мировоззрение человека, но и основные факторы общественного сознания, его духовной и материальной культуры» [Немых, Зинин, 2024, с. 72]. Поэтому создание функционального национального исторического мифа становится важнейшей государственной задачей. С другой стороны, национальное самосознание рассматривается как активный инструмент мобилизации собственного населения для решения внутренних проблем и предотвращения внешних угроз. В реальности усиление национального самосознания характеризуется ростом межэтнических столкновений, усилением регионального национализма, в ряде случаев слиянием этнических и религиозных противоречий. При этом следует иметь в виду, что «современные массовые представления об истории не являются "естественной памятью нации", передаваемой от поколения к поколению, они – результат деятельности профессиональных агентов исторической политики» [Ачкасов, 2018, с. 23], воплощенный в нарративах общественно-политического дискурса.

Отмеченные особенности использования нарратива позволяют рассматривать его как отдельную семантическую структуру. При использовании его политическими институтами он сам становится основным элементом коммуникации, так как «нарративный подход акцентирует внимание на дискурсивной природе рассказа, понимает его как инструмент-посредник конструирования объяснения смысла, показывает центральную роль процесса повествования в создании идентичности и осмыслении индивидуального опыта» [Малахаева, 2013, с. 157]. Интерпретация одних и тех же нарративов в социальных и межэтнических диалогах позволяет выделить их как отдельную модель, воздействующую на целевую аудиторию. Способ воздействия зависит от жанровой специфики повествования, поскольку одну и ту же историю, ситуацию можно представить и как карикатуру, и как трагедию – здесь многое зависит от этнокультурной принадлежности аудитории, социального статуса рассказчика, то есть тех факторов, которые обеспечивают стабильность канала коммуникации.

Анализ нарративов опирается на три основных подхода к их моделированию.

1. Модель первичной обработки нарратива, основанная на семиотике Ч. Пирса, применившего понятие знака, который, в свою очередь, соединяет в себе три корреляции: первая – знак репрезентанта, который формирует сообщение, вторая – знак слушателя, к которому направлено сообщение, третья – знак интерпретанта, который осмысливает сообщения согласно собственным потребностям. В нашем случае мы можем рассматривать

первую как знак повествования и воспитания в национальной культуре, вторую – как знак самоидентификации с этносом, и третью – как знак интерпретации событий лидером группы [Нёт, 2001].

2. Следующая модель опирается на морфологический анализ, предложенный В.Я. Проппом, который, исследуя русские народные сказки, обратил внимание на реализацию в повествовании бинарных оппозиций – не только столкновение «своего» и «чужого», но и «доброе» – «злого», «большого» – «маленького», «низкого» – «высокого» и так далее [Пропп, 1969, с. 26]. В этнополитических нарративах эти смысловые оппозиции необходимы для социальной агитации этноса в дуально разделенном пространстве, при этом практическая составляющая отходит на второй план, выдвигая вперёд эмоциональное восприятие действительности.

3. Структурная модель У. Лабова. Данная модель имеет трёхступенчатую структуру, включающую состояние аудитории до сообщения, состояние аудитории во время восприятия сообщения, когда слушатель с той или иной мерой успешности ассоциирует себя с героями повествования, и состояние аудитории после восприятия сообщения. Анализ этих трех ступеней позволяет оценить эффективность воздействия нарратива как на отдельного субъекта, так и на общество в целом [Labov, 1982].

Интерпретация нарратива, его адаптация к различным социальным и этническим группам особенно актуальна в полиэтническом сообществе. При этом важно сохранить нарративное ядро повествования, то есть значимость самого образа, а его интерпретация может ориентироваться на культурные архетипы этногрупп различного характера. Анализируя интерпретацию нарратива как на начальном, так и на конечном этапах структурной модели У. Лабова, мы отмечаем, что его использование в этнополитике является одним из важнейших инструментов идеологического обеспечения развития государственности и социализации этнических групп, но он также может стать и триггером деструктивного поведения. Исторический анализ показывает [Geertz, 1983] что нарративы, основанные на мифологизации этнических групп, с древнейших времён использовались властью как инструмент сакрализации и легитимации ею политических, экономических и военных преобразований. Через создание и распространение таких мифов правящие элиты укрепляли свою позицию, формировали лояльность населения и оправдывали внедрение новых форм управления и общественных структур.

Идеи, изложенные в приведенном анализе, основываются на концептуальном подходе В. А. Шнирельмана к анализу этнических нарративов, которые сопровождаются:

- убеждённостью его носителей в древности и автохтонности этноса, восприятием своего народа как изначально принадлежащего определённой территории;
- отождествлением этнической идентичности носителей нарративов с их духовной культурой, прежде всего языком, который рассматривается как ее главный носитель на всём протяжении исторического развития;
- направленностью на борьбу за культурный приоритет в регионе;
- наличием мифов о первогероях – славных предках, символизирующих историческое величие этноса;
- формированием образов внешнего врага [Шнирельман, 2003].

Эти идеи позволяют легитимизировать политические, экономические претензии власти по отношению к собственному населению. С помощью этнонарратива формируется модель детерминации настоящего прошлым, и чем значимее прошлое, которое прежде всего обозначается хронологически, тем больше этнос готов претендовать на более значительную роль в современном мире.

Особенности нарративного конструирования в Кыргызстане

Рассмотрим примеры применения нарративных технологий, а также проанализируем их эффективность и ограничения в контексте общественного восприятия. В качестве кейса

использован опыт Кыргызской Республики – одного из наиболее политически трансформируемых и институционально развивающихся государств Центральной Азии, отличающегося высокой степенью общественно-политической активности и продолжающимися процессами экономической и государственной модернизации. Так, проведение World Nomad Games (с 2014 по 2018 год) – яркий пример строительства национального имиджа через нарратив: гимн кочевому наследию, традиционные виды спорта, этнокультурные показы стали инструментом позиционирования Кыргызстана как туристической и культурной жемчужины региона. После игр увеличилось позитивное международное освещение страны и укрепился её бренд как носителя уникальной кочевой культуры [Абель Попезе, Арзуу Шеранова, 2023]. Другим значимым примером стало подписание в марте 2025 года Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан соглашения о демаркации границы после длительного конфликта¹. Это событие стало частью идеологической стратегии укрепления госграниц и демонстрации государственной ответственности и стабильности регионального характера.

В Кыргызстане, как и в других постсоветских государствах Центральной Азии, нарратив в политике является универсальным инструментом общественной манипуляции, чему способствует ряд факторов. Во-первых, он опирается на мифологизацию какой-либо группы или страты. В таком случае «снимается» критика с сообщения, так как миф иррационален и, находясь вне актуализации современности, опирается исключительно на эмоции респондентов. Во-вторых, нарратив, основанный на этническом мифе, позволяет более эффективно использовать каналы коммуникации, так как соответствует культурным ожиданиям группы. В-третьих, использование этнически маркированного нарратива позволяет эффективно разделять пространство на «своё» и «чужое», что, в свою очередь, создаёт пространство для этносоциального воздействия на целевую аудиторию, – таким образом, «официальная история нации может быть исторически более или менее достоверной или фиктивной, но в любом случае, благодаря системе школьного образования, она становится общей собственностью, принятой большинством членов нации, и обретает статус конвенциональности, поэтому отдельный человек не в состоянии в ней что-нибудь произвольно изменить» [Ачкасов, 2018, с. 240]. Субъективно нарратив создаёт у респондентов чувство причастности, когда через ассоциативное мышление снимается критика источника информации и собственных действий.

Типология этнополитических нарративов в Кыргызской Республике

Этнополитический нарратив, активно применяемый в общественно-политической практике, обладает четырёхступенчатой структурой. Эта структура представляет модель логического связывания исторических конструкторов в современных событиях: 1) выбор исторического персонажа или события, обладающего символическим потенциалом для определенной этнической группы; 2) мифологизация объекта, то есть создание идеализированного образа через селекцию фактов, игнорирование противоречий и придание ему сакрального или героического статуса; 3) создание семантической структуры, связывающей миф и современность; 4) тиражирование образа через каналы коммуникации, воспринимаемые аудиторией. Таким образом, эта взаимосвязь обосновывается, аргументируется и интерпретируется в реалиях современного мира.

В процессе политического использования нарративов в государственной пропаганде по ключевым концептам они подразделяются на следующие типы.

1. Нарратив «золотого века» — в Кыргызстане «золотой век» представлен двумя образами, соответствующими целевой аудитории. Первый соотносится с периодом с

¹ Кыргызстан и Таджикистан достигли исторического соглашения о границе / Пресс-служба ГКНБ КР. Sputnik Кыргызстан: информационное агентство: [сайт]. Бишкек, 2025 г., 21 февраля. URL: https://ru.sputnik.kg/20250221/kyrgyzstan-tadzhikistan-soglasheniye-granitsa-1092214179.html?utm_source=ю.

середины IX до середины X века (эпоха «кыргызского великодержавия»). При открытии этногородка в Кырчыне было организовано театрализованное представление «Золотой век кочевников», основанное на образе «эпохи кыргызского великодержавия». Это событие включало конные шоу и эпические сцены, иллюстрирующие силу и величие кыргызов того периода. Такой формат культурной активности явно формирует и укрепляет соответствующий исторический нарратив в общественном сознании¹. Нарратив «золотого века» включает в себя и разгром Уйгурского каганата, и многослойную социальную организацию государства енисейских кыргызов, при этом дополнительную символическую ценность придает попытка сопоставления образов Барс-бека и Манаса – центрального героя кыргызского эпоса. «Трагедия енисейских кыргызов, отраженная в легенде о рогатой матери оленихе, созвучна со сказами эпоса «Манас» и письменных памятников Орхоно-Енисея. Борьба кыргызов за независимость под предводительством батыра Барсбека с вражьиими силами Орхона отражена в каменных письменах» [Темирова, 2016, с. 786]. Но нарратив о сопоставлении образов Барсбека и Манаса не получил широкого распространения среди остальных слоёв кыргызского общества. К примеру, Владимир Мокрынин подчеркивал, что гипотеза о Барсбеке как прототипе Манаса обсуждалась как одна из многих, но она крайне гипотетическая, эмоционально окрашенная и не до конца доказанная позиция, требующая серьезной аргументации, так как различия в культурном, антропологическом и социальном плане между тьянь-шаньскими и енисейскими кыргызами весьма значительны².

Гораздо более востребованным оказался второй нарративный концепт «золотого века», транслируемый в общество, – это образ Советской Киргизии. Кыргызстан – одна из немногих стран постсоветского пространства, которая положительно и с благодарностью оценивает историю советского периода: это этап обретения и укрепления государственности, расцвета национальной культуры, появления национальной письменности и литературного языка. Важным фактором, объясняющим такую оценку советского наследия, следует признать и то, что идеи социального равенства и справедливости были очень близки традиционным родовым принципам взаимоподдержки и справедливого распределения ресурсов. В настоящее время именно этот нарратив транслируется властями в общественный дискурс: «Теперь именно советский период стал для кыргызов новым золотым веком, успешно оттеснившим в сторону золотой век хана Манаса. Удивительно, но советский период в жизни кыргызов стал теплой ностальгией не только для тех, кто жил в то время, но и для многих представителей молодого поколения»³.

2. Нарратив легитимизации власти – впервые был представлен обществу первым президентом Кыргызстана А. Акаевым в 1995 году. К этому времени Кыргызстан, как и все постсоветские республики, находился в глубоком экономическом и социальном кризисе; падение экономики несколько сдерживала введенная в 1992 году национальная валюта – сом; в политическом же плане, как и во всей Центральной Азии, складывалась после распада СССР неоднозначная ситуация: советская республиканская номенклатура, лишённая идеологической легитимизации, могла пойти по пути автократии или тоталитаризма, что автоматически блокировало взаимодействие с ведущими мировыми державами, пропагандирующими демократические рыночные отношения. Необходим был нарратив с таким мифологическим образом, который, с одной стороны, через культурно-ценностные категории пропагандировал бы Кыргызстан на мировой арене, а с другой –

¹ Федорчук О. Открытие этногородка в Кырчыне состоялось. «Золотой век» прекрасен // Vesti.kg [сайт]. 2018 г., 4 сентября. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/54418-otkrytie-etnogorodka-v-kyrchyne-sostoyalos-zolotoj-vek-prekrasen.html> (дата обращения 10.05.2025).

² Мокрынин В. Кыргызское великодержавие и происхождение кыргызского народа (часть 5) // Акипресс. История Кыргызстана и кыргызов: [сайт]. 2013 г., 28 марта. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1617 (дата обращения 6.05.2025).

³ Битикчи Э. Золотой век кыргызов: Манас или Ленин? // Акипресс. История Кыргызстана и кыргызов: [сайт]. 2014. 5 декабря. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2322 (дата обращения: 10.05.2025).

содержал бы ценностные архетипы, значимые для этносоциальных слоёв самого государства. Другими словами, основной задачей стало конструирование образа неразделимости мифа и властных структур. И такой образ был найден – это герой основных кыргызских эпических повествований Манас, который совмещает в себе черты героя-демиурга и культурного героя, в определённом плане создателя этнической ментальности.

Показательно, что уже к 1994 году Генеральная Ассамблея ООН на своей 49 сессии приняла резолюцию от 19 декабря 1994 года о праздновании 1000-летия кыргызского национального эпоса «Манас»¹, а ЮНЕСКО включила трилогию «Манас», «Семетей» и «Сейтек» в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества². Можно сказать, что первая задача – презентация Кыргызстана как члена международного пространства – была выполнена. Далее первым президентом Кыргызстана Аскармом Акаевым была выдвинута задача экстраполировать этот образ внутри государства, и здесь ключевую роль сыграл нарратив «семь заповедей Манаса». Принципы, заложенные в них, такие как интернационализм, патриотизм, почитание старших, забота об укреплении государственности стали базовыми идеологическими понятиями молодой Кыргызской Республики и сформировали содержание мощной PR-компании на демократических выборах президента в декабре 1995 года³.

Однако на начальном этапе независимости осуществить в полной мере проект сакрализации власти оказалось затруднительно в силу целого комплекса факторов: наличия «сильно выраженных чувств этнонациональной и локально-территориальной идентичности, проявляющейся в трайбализме и регионализме государствообразующего этноса» [Бектурганова, 2009, с. 136], глубоких социально-экономических проблем, усугубленных переходным характером постсоветского периода. Указанные обстоятельства способствовали формированию специфической модели политической конкуренции, в которой борьба за власть зачастую приобретала форму внутриэтнической, преимущественно клановой конкуренции за доступ к государственным ресурсам. Этому в определённой мере способствовали и повторяющиеся внутривнутриполитические кризисы, в частности массовые протестные движения и смены власти, получившие в общественном дискурсе обозначение как «революции» 2005, 2010 и 2020 годов.

Лишь на современном этапе в условиях относительной стабилизации в дискурсе политического руководства вновь наблюдается обращение к идеологическим основаниям, опирающимся на традиционные ценности, в частности, на концепцию семи заповедей Манаса. Актуализация данного нарратива свидетельствует о стремлении к формированию новой идеологической платформы национального единства. Так, в одном из опубликованных выступлений президент Кыргызской Республики Садыр Жапаров подчёркивал: «Самым ярким олицетворением духовного и культурного наследия кыргызского народа является эпос "Манас". В трудное время образ Манаса посредством творчества манасчы вселяет силы в кыргызский народ. Сейчас у каждого своя позиция и видение пути развития страны, своё мировоззрение, но, когда речь идёт о Манасе, мы все едины»⁴.

¹ Празднование тысячелетия кыргызского национального эпоса «Манас»: резолюция по докладу Второго комитета (A/49/726): [принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1994 года]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/49/129>.

² Манасова К. Трилогия «Манас. Семетей. Сейтек» включена в Репрезентативный список шедевров ЮНЕСКО // Информационное агентство «24.kg»: [сайт]. 2013 г., 5 декабря. URL: <https://24.kg/archive/ru/culture/166997-trilogiya-laquomanas-semetej-sejtekraquo.html/> (дата обращения 2.05.2025)

³ Капишевский М. Кыргызстан: идеология в состоянии «турбулентности» // Информационный портал CentrAsia: [сайт]. – 2013 г., 26 ноября. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1385453460#gsc.tab=02> (дата обращения 2.05.2025).

⁴ Садыр Жапаров, и. о. Президента, Премьер-министр. Ваше творчество – это неоценимый вклад не только в сохранность великого кыргызского эпоса, но и духовной жизни кыргызского народа // Кабинет Министров Кыргызской Республики: официальный сайт. 2020 г., 13 ноября. URL: <https://www.gov.>

В итоге образ Манаса и сопутствующий ему нарратив становятся не просто элементом культурной репрезентации нации, но также инструментом формирования идеологического консенсуса, претендующим на статус общенационального символа, способного преодолеть внутригрупповые и межрегиональные разломы в обществе.

3. Следующий тип нарратива в этнополитике основан на мифологемах и направлен на консолидацию общества через противостояние «своего» и «чужого». Таким стал нарратив, связанный с празднованием в 2003 году 2200-летия кыргызской государственности, проходившим на фоне усиливавшегося политического и экономического кризиса. Из выступления А. Акаева на II Всемирном Курултае кыргызов (в рамках празднования 2200-летия) ясно следует, что одной из ключевых целей нарратива стало научное обоснование древности кыргызского этноса – цель, позволяющая Кыргызстану претендовать на культурное лидерство в Центральной Азии с возможностью последующей экономической монетизации, а также укрепляющая национальное самосознание и консолидирующая общество¹. Внутри страны это событие способствовало объединению кыргызской диаспоры более чем из 25 стран и росту национальной гордости: «Начал свою работу второй Всемирный курултай кыргызов, который проходит в рамках празднования 2200-летия Кыргызской государственности. Предполагалось прибытие более 150 кыргызов из более чем 25 стран ближнего и дальнего зарубежья. Это США, Австрия, Австралия, Англия, Франция, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и т.д. Причем это кыргызы, которые являются гражданами государств, откуда они придут. Среди них – ученые, бизнесмены, служащие, деятели искусств. От Кыргызстана будет представлено 150 делегатов»².

Празднование 2200-летия кыргызской государственности активизировало исследования истории и этнографии кыргызского народа, инициировало проекты по изучению древних государственных образований и археологических памятников, что способствовало формированию новой исторической парадигмы [Бейшеева, 2021; Мойдинов, 2023]. Международное участие кыргызских учёных расширило научные связи и укрепило имидж Кыргызстана как центра изучения тюркских и центральноазиатских культур. Политически юбилей стал инструментом укрепления власти через мобилизацию национального единства и апелляцию к историко-культурным символам. Таким образом, празднование 2200-летия кыргызской государственности, широко представленное в СМИ, оказало комплексное влияние на научное осмысление истории и этнополитическую динамику в Кыргызстане и регионе.

Заключение

Проведённое исследование показало, что этнополитический нарратив выступает как неотъемлемый инструмент государственной идеологии Кыргызской Республики, формируя устойчивую коллективную идентичность и выполняя функции политической мобилизации, легитимации власти и институционального оформления исторической памяти. Особенность кыргызского нарративного дискурса заключается в том, что он опирается на мифологические и историко-культурные образы, способные объединять различные социальные и этнические группы на основе эмоционального отклика, узнаваемых культурных архетипов и национальных символов. Структурирующие этот нарратив

kg/ru/post/s/prezidenttin-ma-premer-ministr-sadyr-zhapparov-sizdin-chygarmachylygyyz-bul-uluu-kyrgyz-eposun-saktoogo-gana-emes-kyrgyz-elinin-rukhiy-turmushuna-da-baa-zhetkis-salym (дата обращения: 10.08.2025)

¹ Акаев А. Крепить государственность, крепить национальное согласие. Выступление на Курултае // Kyrgyzstan Rewier. Информационно-познавательный портал о Кыргызстане: [сайт]. 2003. 7 марта. URL: https://rus.gateway.kg/07-03-2003-krepit-gosudarstvennost-krep/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 11.05.2025).

² Начал работу 2-й Всемирный курултай кыргызов. В программе... // Информационный портал CentrAsia: [сайт]. 29 августа 2003. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1062107160&ysclid=melqqnup43824718549#gsc.tab=0> (дата обращения: 12/05 2025)

концепты, такие как «золотой век», образ Манаса и концепция древней государственности, позволяют осуществлять внутреннюю консолидацию общества и одновременно позиционировать государство на международной арене как носителя уникального историко-культурного кода.

Анализ нарративных моделей с точки зрения структурного, семиотического и морфологического подходов позволил выделить ключевые механизмы их воздействия: от бинарных оппозиций и эмоционального резонанса до сакрализации власти и нейтрализации критического восприятия информации. При этом важную роль играют не только содержательно-концептуальное наполнение нарратива, но и его жанровая форма, контекстуальная актуализация, социальный статус «рассказчика», а также степень соответствия культурным ожиданиям аудитории. Успешные нарративы обладают интегративным потенциалом, формируя символическое пространство «своего», противопоставленного «чужому», и тем самым укрепляя границы национального и политического.

Однако нарратив как политико-идеологический инструмент обладает и деструктивным потенциалом: при отсутствии инклюзивности и преобладании мобилизационной функции он может усиливать этническую фрагментацию, клановое соперничество и социальную поляризацию. Особую значимость приобретает осмысленное управление исторической памятью и политической мифологией, позволяющее государству не просто воспроизводить традиционные идеологемы, но адаптировать их к современным вызовам и задачам модернизации. Как показывает кейс Кыргызстана, даже в условиях высокой политической нестабильности этнополитический нарратив способен задавать устойчивые рамки национального дискурса, трансформируя историческое наследие в актуальные политические смыслы.

Таким образом, нарратив в этнополитике не только отражает существующие ценностные ориентиры общества, но и активно формирует их, обеспечивая преемственность государственной идеологии и выступая связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Его роль в постсоветском пространстве, в частности в Кыргызстане, возрастает в условиях поиска новых моделей идентичности, национального единства и политической субъектности, отражаемых в массмедийном дискурсе.

Список литературы

- Ачкасов В.А. 2018. Национальная идентичность как исторический нарратив. *Управленческое консультирование*, 10(118): 19–26. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-19-26
- Бектурганова Б.К. 2011. Этнополитическая интеграция и консолидация в Кыргызстане. *Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына*, 1: 135–140. URL: http://lib.knu.kg/files/2011/vesnik_1_KNU2011.pdf (дата обращения: 9.05.2025)
- Бейшеева А.А. 2021. Исторические этапы и особенности кыргызской государственности. *Endless Light in Science, Серия: Исторические науки, Historical sciences*, 12–15.
- Качанов Д.Г. 2020. Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов. *Вестник Московского университета, Серия: Журналистика*, 10(1): 79–102. URL: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2020.79101>
- Лехциер В.Л. 2013. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. *Международный журнал исследований культуры*, 1(10): 5–8.
- Малахаева С.К. 2013. Нарративный подход в этнопсихологическом исследовании: возможности и границы метода. *Психология в экономике и управлении*, 2: 155–164.
- Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия. *Полития*, 3(94): 87–102.
- Милькова А.А. 2025. Возможности теории стратегических нарративов в анализе внешнеполитического дискурса Китая в эпоху Си Цзиньпина. *Аналитика и власть Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2: 82–92. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
- Мойдинов И.Ж. 2023. Государственная организация древних и средневековых кыргызов. *Национальная ассоциация ученых (НАУ)*, 88: 46–49.

- Немых А.П., Зинин Р.В. 2024. Роль идеологических концептов союзников, демографии, патриотизма и волонтерского движения в трансляции государственной идеологии. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(3): 278–290.
- Нёт В. 2001. Чарлз Сандерс Пирс. Пер. с нем. Н. Сироткина. *Критика и семиотика*, 3/4: 5–32. URL: https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/pdf/CS_03-04/cs0304net.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
- Пропп В.Я. 1969. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., Наука, 168 с. URL: <https://books.yandex.ru/books/h3v8KGHX/read-online> (дата обращения: 9.09.2025).
- Попезе А., Шеранова А. 2024. Когда «брендинг» встречается со «строительством»: как национальный брендинг влияет на идентичность в Кыргызстане и Эстонии. *Журнал балтийских исследований*, 55(2): 435–457. URL: <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2271889>
- Соломеина В.Г. 2023. Цифровые медианарративы в контексте межкультурного медиадискурса: литературный обзор. В кн.: Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: Материалы Международной научно-практической конференции, 20–22 апреля 2023 г., Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 292–297. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/123572/1/978-5-7996-3653-1_2023_060.pdf (дата обращения: 11.05.2025)
- Темирова Б.Т. 2016. Эпос “Манас” в художественном мире Ч. Айтматова. *Теория и практика современной науки*, 11(17): 789–793. URL: https://www.modern-j.ru/_files/ugd/b06fdc_1623c1dcd3514ae08f598a0a601379d8.pdf (дата обращения: 10.05.2025)
- Шайкемелов М.С. 2022. Методология этносоциальных исследований: анализ зарубежного и казахстанского опыта исследований этничности. *Аль-Фараби. Культура. Идентичность. Справедливость*, 3(79): 122–138. URL: <https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09>
- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва, ИКЦ Академкнига, 592 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10457/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 5.09.2025)
- Geertz C. 1983. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York, Basic books Inc, 256 p.
- Labov W. 1982. Speech actions and reactions in personal narrative In: *Analyzing discourse: text and talk*. Ed. D. Tannen. Washington, DC, Georgetown University Press: 219–247.
- Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. 2013. *Strategic Narratives: communication power and the new world order*. New York, Routledge; 1132 p.

References

- Achkasov V.A. 2018. Nacional'naja identichnost' kak istoricheskij narrativ [National identity as a historical narrative]. *Management Consulting*, 10(118): 19–26. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-19-26>
- Bekturganova B.K. 2009. Jetnopoliticheskaja integracija i konsolidacija v Kyrgyzstane [Ethnopolitical integration and consolidation in Kyrgyzstan]. *Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University*, 1: 136–140. URL: http://lib.knu.kg/files/2011/vesnik_1_KNU2011.pdf (accessed: 9 May 2025)
- Beisheyeva A.A. 2021. Istoricheskie jetapy i osobennosti kyrgyzskoj gosudarstvennosti [Historical stages and features of Kyrgyz statehood]. *Endless Light in Science, Series: Historical Sciences*, 12–15.
- Kachanov D.G. 2020. Narrativ v mul'timedijnoj zhurnalistike: analiz rossijskih i zarubezhnyh mediaproektov [Narrative in Multimedia Journalism: An Analysis of Russian and Foreign Media Projects]. *Moscow State University Bulletin, Series: Journalism*, 10(1): 79–102.
- Lekhtsier V.L. 2013. Narrativnyj povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma [Narrative turn and the actuality of the narrative mind] *International Journal of Cultural Research*, 1(10): 5–8.
- Malakhaeva S.K. 2013. Narrativnyj podhod v jetnopsihologicheskom issledovanii: vozmozhnosti i granicy metoda [Narrative approach in ehnopsychological research: possibilities and limits of the method] *Psychology in Economics and Management*, 2: 155–164.
- Miller A.I. 2019. Rost znachimosti institucional'nogo faktora v politike pamjati — prichiny i posledstvija. [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory: Causes and implications] *Politeia*, 3(94): 87–102. URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102>

- Milkova A.A. 2025. Vozmozhnosti teorii strategicheskikh narrativov v analize vneshnepoliticheskogo diskursa Kitaja v jepohu Si Czin'pina [Possibilities of the theory of strategic narratives in the analysis of China's foreign policy discourse under Chairman Xi Jinping]. *Analytics and Power: Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS*, 2: 82–92. URL: <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
- Moydinov I.Zh. 2023. Gosudarstvennaja organizacija drevnih i srednevekovyh kyrgyzov [State organization of ancient and medieval Kyrgyz]. *National Association of Scientists (NAS)*, 88: 46–49.
- Nemykh A.P., Zinin, R.V. 2024. Rol' ideologicheskikh konceptov sojuznikov, demografii, patriotizma i volonterskogo dvizhenija v transljicii gosudarstvennoj ideologii [The role of ideological concepts of allies, demography, patriotism, and the volunteer movement in the transmission of state ideology]. *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*, 43(3): 278–290. URL: http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/64224/1/Zinin_Rol_24.pdf (accessed: 13 May 2025)
- Nöth W. 2001. Charlz Sanders Pirs [Charles Sanders Peirce]. Translated from German by N. Sirotkina. *Critique and Semiotics*, 3/4: 5–32.
- Propp V.Ya. 1969. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of the Folktale. The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Nauka, 168 p. URL: <https://books.yandex.ru/books/h3v8KGHX/read-online> (accessed: 9 May 2025).
- Popeze A., Sheranova A. 2024. Kogda «branding» vstrechaetsja so «stroitel'stvom»: kak nacional'nyj branding vlijaet na identichnost' v Kyrgyzstane i Jestonii [When 'branding' meets 'building': the consequences of nation branding on identity in Kyrgyzstan and Estonia]. *Journal of Baltic Studies*, 55(2): 435–457. URL: <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2271889>
- Solomeina V.G. 2023. Cifrovye medianarrativy v kontekste mezhkul'turnogo mediadiskursa: literaturnyj obzor [Digital media narratives in the context of intercultural media discourse: a literature review]. In: *Media as a Factor in Human Adaptation to Social, Economic and Political Changes: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, April 20–22, 2023, Ekaterinburg, Ural University Press*: 292–297.
- Temirova B.T. 2016. Jepos “Manas” v hudozhestvennom mire Ch. Ajtmatova [The epic “Manas” in the artistic world of Ch. Aitmatov]. *Theory and Practice of Modern Science*, 11(17): 789–793.
- Shaikemelov M.S. 2022. Metodologija jetnosocial'nyh issledovanij: analiz zarubezhnogo i kazahstanskogo opyta issledovanij jetnichnosti [Methodology of ethnosocial research: analysis of foreign and Kazakhstani approaches to the study of ethnicity]. *Al-Farabi. Culture. Identity. Justice*, 3(79): 122–138. URL: <https://doi.org/10.48010/2022.3/1999-5911.09>
- Shnirelman V.A. 2003. Voïny pamyati: Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in the Caucasus]. Moscow: IKC Akademkniga. 592 p.
- Geertz C. 1983. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books Inc, 256 p.
- Labov W. 1982. Speech actions and reactions in personal narrative. In: Tannen, D. (Ed.), *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Washington, DC: Georgetown University Press: 219–247.
- Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. 2013. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York, Routledge, 1132 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2025

Received June 24, 2025

Поступила после рецензирования 31.07.2025

Revised July 31, 2025

Принята к публикации 10.09.2025

Accepted September 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бектурганова Бахтыгуль Кубанбековна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Bachtygul K. Bekturganova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.